Первая часть

Диплом

- К тебе тут парень заходил. Высокий, темноволосый, симпатичный! Кто он? - строго спросила мама, не успела я войти в квартиру. Но времени на долгий испытующий взгляд и допрос на тему "что у тебя с ним" у нее уже не было.
Мама собиралась в командировку и паковала чемодан. Элегантный, с двумя огромными пряжками на боковине. В меру большой, чтобы не так уж тяжело было нести. Помочь-то некому. Прошёл всего год, как не стало моего отца.
- Вот твой диплом, - продолжила она и кивнула в сторону журнального столика.
Мою дипломную работу напечатала на пишущей машинке секретарша директора фабрики "Красный обувщик".
Мама с ней договорилась за три рубля. Тогда все со всеми как-то договаривались насчет разных вещей. Я схватила довольно объёмную стопку белых листов. Начала торопливо просматривать.
- Ой! - сначала один раз воскликнула разочарованно. Потом ещё раз "ой", а потом "ой-ёй-ёй"- запричитала как от боли.
- Ну, что опять такое? - недовольно откликнулась мама.
- Вместо "противозмеиная сыворотка" напечатано "противоядерная"! Почти на всех страницах! - меня обьял ужас в сочетании с безудержным смехом.
- А какая разница? - мама уже "вжикнула" молнией на чемодане и ей было не до этих глупостей.
- Такая! - я уже перестала идиотски смеяться и испытывала чистейший, кристаллический ужас. До защиты диплома оставалось меньше недели. Как, когда и на какие деньги я буду перепечатывать сто пятьдесят страниц?
- Да, она пьющая, - спокойно отреагировала мама с жалостливой и оправдывающей интонацией.
Я представила эту картинку, в стиле сатирического журнала "Крокодил". Одним ухом слушая радио, включенное на всю громкость, зажав ярко алыми губами сигарету, нетрезвая секретарша стучит по клавишам раздолбанной пишущей машинки. Облупившийся красный маникюр и повышенная тревожность на фоне обострения геополитической обстановки прилагаются.
И вот результат: теперь мне тоже надо как-то с кем-то договариваться, чтобы за считанные дни перепечатать этот чёртов диплом.

Нужна любовная линия героини

А вот тут проблема. Не заставший меня дома красивый молодой человек в моей жизни больше так и не появился. Звали его Виктор. Закончил радиофак. Познакомились в студкафе или студбаре. Всё, что тогда относилось к студенческим делам начиналось со слова "студ". Естессно. Студсовет. Студгазета. Студкафе. И так далее. В этом студкафе мы с ним весело болтали, наклоняясь близко друг к другу, потому что вокруг грохотало неуёмное "диско". Проводил до дому, как полагается. По дороге рассказал, что собирается на турслёт "Звёздочка". О новой встрече как-то не договорились. А телефона у нас дома не было.
Мы даже с ним не поцеловались ни разу. Суровые нравы царили тогда.
Что это было? По ночной улице шли двое, парень и девушка. Оба высокие, по-спортивному складные. Весёлые и беззаботные, как греческие боги. И вся правда на нашей стороне. Смелые и оптимистичные, ибо будущее, казалось, в наших руках.
Уже не помню подробностей, но в начале лета промелькнула информация о том, что во время турпохода произошёл трагический несчастный случай с группой студентов из Горьковского

университета. Не хочется думать о самом плохом. Пусть лучше останется в памяти только это - красивый парень с чёрными волосами и карими глазами в темноте ночного студкафе, улётная дискотека и круговерть разноцветных огней "цветомузыки".

Надо сдать посуду

Стеклянная бутылка из-под молока стоила пятнадцать копеек. Маленькая стеклянная баночка из-под сметаны - десять копеек. Пустые бутылки и банки можно было сдать в магазин или пункт приёма стеклотары и получить свои денежки обратно. На кухне нашлось всего две молочных бутылки и две банки из-под сметаны. Пятьдесят копеек. А надо где-то раздобыть пять рублей. Немалые деньги по тем временам. Кто-то в универе сказал, что секретарша в обкоме партии (перевод - областной комитет Коммунистической партии Советского Союза) может напечатать дипломную работу за пять рублей и два дня. Для радиофака дороже. А биофаковский диплом - это детский лепет, одни слова и таблиц немного. На антресолях хранились трёхлитровые банки. Целая дюжина. Настоящее сокровище. Одна банка - двадцать копеек! К тому же, когда паника улеглась, стало понятно, что перепечатать нужно только листы с "противоядерной" сывороткой. Может хватит и трёх рублей?

Всё готово

"Обкомовская" секретарша царственно спустилась ко мне по широкой белой лестнице. Изящными пальчиками с розовым лаком на ноготках достала из папки с тесёмками нетолстую стопку напечатанных листов.
- Вот, всё готово.
Я их взяла как драгоценность, стала укладывать в пакет.
- Ну? - она покосила глазами налево-направо.
Я достала из кармана два бумажных рубля и почти рубль мелочью, до трёх чуть-чуть не дотянула.
Секретарша скривила свои губы в розовой помаде и прошипела: "Брысь отсюда!"
Я пулей вылетела из солидного обкомовского здания, почувствовав себя замарашкой. Мои ногти были не в порядке - я ведь надраивала содой дюжину стеклянных банок. И потом десять споласкиваний каждой банки, как в химлаборатории. До идеальной чистоты и хрустальной прозрачности.
В смятении зашла в универ, но там уже нечего было делать.
Цель - хорошо учиться, получать стипендию и "не принести в подоле" - была успешно достигнута.
А дальше что?

Вдова познакомилась с одиноким мужчиной

В командировке мама познакомилась с одиноким мужчиной.
Но ничего хорошего из этого не вышло.
Давно это было...
Заканчивался апрель, и в том самом городе, куда уехала мама, было тревожно из-за ужасной аварии на атомной электростанции.
Грусть берёт за душу до сих пор от моей житейской истории. Потому что я уже старше мамы стала на пятнадцать лет, чем ей было в те годы. Отец мой скончался от болезни, надорвав здоровье на работе. Не дожил даже до сорока девяти лет. Мама была младше его на четыре года. И вот наступил у неё тот самый возраст - "ягодка опять". Эту беспардонную фразочку я постоянно слышала в её адрес от разных людей, и даже друзей и родственников. И мама действительно

выглядела очень привлекательно. Подтянутая фигура, модная одежда, всегда с причёской, и всегда-всегда маникюр на очень красивых руках.
Так вот. Пролетел почти месяц той командировки. Я не находила себе места, очень тревожилась за маму. Несколько раз от неё приходили письма с безликим "всё хорошо". Но моя беременная однокурсница спешно выехала из этой республиканской столицы в общем вагоне, битком набитом такими же беременными на разных сроках. И сказала мне, что "не хорошо". Так что повод для беспокойства точно был.
Наконец, мама вернулась. Постройневшая, немного бледная, весёлая. Сразу же рассказала, что познакомилась с мужчиной, бывшим военным, родом из города Ч. И что скоро он приедет в гости. "Ты не против?" - легко и без намёка на обсуждение спросила она меня.
Жить, понятное дело, он будет в нашей двушке. В гостиницу в те времена попасть было практически невозможно. Да и кто будет тратиться на гостиницу при таких делах?
Квартиру эту, в новом доме, не очень большую, но современную, с большим балконом, получил на заводе мой папа. "Получил" - так тогда говорили. На самом деле - заработал. Заработал потом и кровью. Буквально. И прожил в ней после новоселья ровно десять лет. Всего-навсего. Это мало, очень мало...
И вот, очень скоро, в нашей квартире появился Иван. Среднего роста, сероглазый. Тип внешности - как у знаменитого режиссёра Сергея Бондарчука. Очень похож. Крупное интересное лицо, густые волосы с сединой. Ну и такая мужская стать. Несколько даже отталкивающая в своей примитивности.

Дано – кошка лезет в окно

Итак, условия задачи.
Она: сорок пять лет, привлекательная.
Хорошая должность, хорошая зарплата
Жилищные условия: отличная двушка в двух шагах от центра города-миллионника.
У неё дочь-студентка, на последнем курсе университета.
Он: сорок пять лет, привлекательный.
Вышел в запас.
Получает небольшую пенсию в три раза меньше, чем её зарплата (у него невысокое звание).
Жилищные условия: своего жилья нет, живёт в общежитии.
Дочь девятнадцати лет, вышла замуж полгода назад.
Сейчас я сама уже очень-очень взрослая женщина, пожилая, можно сказать, или даже "в возрасте", как принято говорить. И мамы уже нет на свете более четырёх лет. Но до сих пор мне неприятно вспоминать эту историю. Ничего особо страшного не случилось. Бытовуха. Обманутые надежды, впустую растраченный романтический настрой. Рухнувшая надежда на то, что возможно продолжение жизни после смерти любимого человека.
Слёзы.
Я обязательно напишу продолжение.

Вторая часть

Решение задачи

Иван приехал и с комфортом расположился в нашей квартире. Это был 1986 год. Ни о каком наследстве или дележе квартиры после смерти моего отца даже речи не было. У меня просто была прописка, как у всех в то время. Папа был ответственным квартиросъёмщиком (тоже

понятие из тех времён). Овдовев, мама стала ответственным квартиросъёмщиком. Меня же, как дочь, никто ни о чём не спрашивал. А я была в глубоко подавленном состоянии, почти в депрессии. Это я уже сейчас поняла, "с возрастом", что называется.

Жизнь пошла своим чередом

Мама рано утром уходила на работу. Я тоже начала работать. Возвращались обе к вечеру. Иван оставался в квартире один. Смотрел телек или ходил в ближайший магазин за немудрящими продуктами "Потом "кашеварил" на кухне к маминому приходу. Я один раз попробовала его стряпню. Оказалось невкусно, даже противно. Я с детства была малоежкой, еда и процесс еды никогда не были для меня предметом интереса. Но тут я очень сильно поразилась, - настолько неприятные вкусовые ощущения! Но мама это ела. А я больше не притрагивалась к приготовленной им пище.
Я думала, что раз маму всё это устраивает, то и ладно.
А ведь у мамы было несколько кулинарных книг! Была и тетрадочка с рецептами, куда она любила записывать новые салатики и другие блюда.

Мамин стон

Так и жили мы в папиной квартире. Тихо-спокойно. Мама всегда была скрытная и никогда со мной не откровенничала, держала дистанцию. А после смерти папы мы с ней вообще мало разговаривали. Никто никого ни о чём не спрашивал.
Однажды среди ночи из маминой комнаты донеслось что-то похожее на стон...
Была зима. В тот год особенно холодная, морозная. Я вернулась с работы промёрзшая до костей, уставшая. Зашла на кухню. Там на
плите стояла огромная пятилитровая кастрюля. Огромная! Обычно мама в ней варила холодец. А тут смотрю - вьется пар над каким-то коричневым отваром, похожим на крепко заваренный чай. А скорее - на торфяную Болотную воду.
- Ой, это что?! - спросила Ивана.
- Чай! - ответила он.
- А разве так чай заваривают? - удивилась я.
У мамы, любительницы всего эстетичного, красивого, и красивой посуды в первую очередь, в серванте имелись и чайный и кофейный сервиз (из турпоездок в Чехословакию, в Германию!), и заварные чайнички. Всеми этими симпатичными предметами мы не только гордились, но и регулярно пользовались. А тут непонятное варево в огромной кастрюле. Странно, странно. Я налила себе в чашку на донышко этого чая. Но , сделав глоток, допить не смогла. А ведь так замёрзла и хотелось горячего чаю, аж сил нет.
Ушла к себе в комнату, рухнула на кровать, свернулась калачиком, пригрелась, провалилась в сон.
Проснулась как от толчка, ведь меня разбудил мамин стон!
Я прислушалась. Между лопатками зашевелились несуществующие волоски. Что происходит?!
Стоны повторились несколько раз и потом мамин измученный и больной голос , произнес, как через силу - "не могу, не могу больше терпеть".
Я метнулась к ним в комнату.
- Мама, что с тобой?
 - Очень болит живот, ноет, ноет, нет сил терпеть.
- Давай я вызову "скорую"!
- Не знаю, не понимаю ничего, делай что хочешь...

Я побежала на улицу, к телефону-автомату. Тогда у нас ещё не было домашнего телефона. И вообще мало у кого были телефоны в то время.
Дрожащими пальцами, почти примерзающими к металлическому диску, набрала "03".
На тот момент прошло меньше двух лет со дня смерти моего папы. Они болел и мы вызывали ему "скорую" почти каждый день. Представляете, как тряслись мои руки и дрожал голос, когда я вызывала "скорую" - уже маме?!

"Скорая помощь" приехала довольно быстро

Врач из "скорой" сказал - "подозрение на аппендицит". Положили маму на носилки и понесли в машину. И уже через закрываемую дверь врач торопливо спросил "С ней никто не поедет?" и, не услышав ответ, ушёл.
У меня был шок. Я настолько растерялась, что даже не спросила, в какую больницу её повезли.
Рабочий день в научно-исследовательском институте начинался в 7.45. Да, да, так рано. Ехать до НИИ нужно было на автобусе с пересадкой на Московском вокзале и дорога занимала почти полтора часа. Поэтому в 6.00 я уже вышла из дома. И как прошёл остаток этой тревожной ночи даже не помню.
На работе я была самой младшей среди сотрудников. Позже пришли на практику две девушки-студентки, которые учились на третьем курсе. И я себе стала казаться прям старой на их фоне. Ну ладно, я отвлеклась...
В тот день я почувствовала себя беспомощной, какой-то глупой. Хорошо, что "взрослые люди" сразу поняли по моему грустному лицу, - случилось что-то экстраординарное. Я сказала, что маму ночью увезли на "скорой", что не знаю в какую больницу, куда бежать, что делать! Умные люди тут же нашли какой-то справочник, потыкали туда пальцем, сделали необходимые умозаключения, сунули мне под нос бумажку с номером телефона: "Вот, звони!"

Третья часть

Одна-одинёшенька

Маму прооперировали. Навестить её разрешили только через три или четыре дня. Я приехала в больницу имени Семашко после работы. Добиралась долго, это же с одного края города на другой. Подняться в палату мне не позволили, и я ждала маму на первом этаже, в холле. Она спустилась по лестнице, держась за перила. Бледная, слабенькая. Раздражённо сказала, что у неё нет сил, она возвращается в палату, и что навещать её пока не нужно. Она сама, дескать, позвонит мне на работу, когда ей станет получше, и скажет что и когда привезти. На том и расстались.
Через какое-то время я снова к ней приехала. Она лежала в многолюдной палате. Была очень недовольна моим визитом, её всё раздражало. Я не узнавала мою маму, такой она была отчуждённой колкой как ёжик. Не пробыв и пяти минут пришлось уйти. Я вышла на улицу и побрела к автобусной остановке. Под ногами хрустели прозрачные крупинки мартовского снега. Круглые, как застывшие слезинки. Я легко наступала на них моими новенькими ботильонами, серыми как лёд, и такими же абсолютно холодными и неподходящими для зимы.
Из глаз катились слёзы. Горячие. Они медленно остывали на щеках и жгли как кислота. Лицо от них покраснело словно от ожога. Я не могла понять - чем так не угодила маме? Одна я, одинёшенька...
Из уст в уста передаётся байка о том, что удаление аппендицита это такая простецкая операция! И что аппендикс любой студент-медик чуть ли не ногтем может выковырнуть. Но, вопреки этому расхожему мнению, мама лежала в больнице целый месяц. Да и аппендицит ли это был?